

В. Г. Белинский

Литературные мечтания

Элегия в прозе

УДК 93
ББК 63.3
Б43

Б43 **Белинский В.Г.**
Литературные мечтания: Элегия в прозе / В. Г. Белинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 593 с.

ISBN 978-5-458-10255-1

ISBN 978-5-458-10255-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Виссарион Григорьевич Белинский занимает одно из самых почетных мест в ряду выдающихся представителей культуры великого русского народа.

Совершенно справедливо центральный орган нашей партии «Правда» писала:

«Мы гордимся именами Пушкина, Лермонтова, Толстого и Горького, Белинского, Добролюбова и Чернышевского, Менделеева, Сеченова и Павлова. Эти имена, вместе с именами Ломоносова, математика Лобачевского, изобретателя радио Полова, мужественных исследователей Пржевальского, Миклухи-Маклая, отважных мореплавателей Лаптевых, Дежнева, Седова и многими другими, составляют нашу национальную славу, и мы законно гордимся ею. Вершиной русской культуры является ленинизм — самое передовое, самое научное учение, которое знала история человечества. Ленинизм интернационален. Он стал учением, маяком и надеждой всех народов мира. И мы законно гордимся этим, мы законно гордимся его творцами — Лениным и Сталиным».

Народы СССР никогда не забудут В. Г. Белинского, чья общественно-политическая и литературная деятельность в 30—40-х годах прошлого века сыграла большую роль в развитии революционно-демократического движения в России и русской культуры.

В Белинском поразительно сочетались многие дарования. Он был не только великим литературным критиком и публицистом; он один из самых ранних и выдающихся русских философов, талантливый социолог и историк, основоположник новой эстетической теории. Но прежде всего Белинский — один из зачинателей революционно-демократического движения в России, бывший всю свою жизнь истинным патриотом русского народа, страстным борцом против крепостничества, полицейского произвола, засилья религии и невежества.

Не случайно Белинский получил прозвище «неистового Виссариона». Его политическая страстность и глубокая вера в правоту своих революционных убеждений достаточно известны.

Раз на вечеринке у одного литератора, некий магистр Петербургского университета, ослабивший, по словам Герцена, свои способности философией и филологией, коснувшись знаменитого «Философического письма» Чаадаева, заявил, что автор этого письма недостоин уважения. Присутствовавший на вечеринке Герцен стал возражать магистру, объясняя ему, как несправедлив его отзыв о человеке, смело высказавшем свое мнение и пострадавшем за него. Спор затягивался. «Вдруг мою речь подкосил Белинский, — рассказывает Герцен. — Он вскочил с своего дивана, подошел ко мне уже бледный, как полотно, и, ударив меня по плечу, сказал: «Вот они высказались — инквизиторы, цензора — на веревочке мысль водить»... и пошел, пошел. С грозным вдохновением говорил он, приправляя серьезные слова убийственными колкостями. «Что за обидчивость такая?! палками бьют, — не обижаемся, в Сибирь посылают, — не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь, — не смей говорить; речь — дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах больше

образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да Калуге, не обижаются словами?

— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... и прекрасно делают.

Белинский вырос. Он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным»*.

Не раз политические враги Белинского, вроде агента III отделения в литературе Ф. Булгарина и реакционного поэта П. Вяземского, доносили «властям предержащим», что Белинский стоит в центре притяжения всех оппозиционно настроенных сил России 40-х годов; реакционеры боялись его даже после смерти, считая, что Белинский — «литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площадях, бунтовал в журналах».

Роль Белинского как первого революционного демократа-разночинца в истории российского освободительного движения с исчерпывающей ясностью определена В. И. Лениным.

В своей работе «От какого наследства мы отказываемся» еще в 1897 г. Ленин дал яркую характеристику взглядов русских просветителей и доказал, что их законными наследниками являются отнюдь не народники, отступившие от взглядов просветителей, а пролетариат России и русские марксисты, возглавившие народные массы на борьбу против помещичье-капиталистического строя. В 1902 г. в своей работе «Что делать?» Ленин показал, что образцы беззаветных поисков правильной революционной теории в России дали Белинский, Герцен и Чернышевский, и назвал их предшественниками российской социал-демократии.

Исключительно яркий свет на вопрос о характере мировоззрения Белинского и его роли в культуре русского народа проливает непримиримая идейно-политическая борьба, проведенная Лениным против буржуазно-веховской контрреволюционной идеологии.

Известно, что в 1909 г. кадетские деятели во главе со Струве, Булгаковым и Гершензоном выпустили сборник «Вехи», ярко отразивший контрреволюционные настроения, охватившие российскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию в годы реакции, после поражения революции 1905 г.

Ленин в своей статье «О «Вехах», написанной в декабре 1909 г., блестяще доказал, что авторы «Вех», пытавшиеся дать в этом сборнике «целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии», дали в нем по существу энциклопедию либерального ренегатства. Веховцы, писал Ленин, окончательно порвали с идейными основами русской и международной демократии, отреклись от великих традиций российского освободительного движения и обливают его помоями, открыто провозглашая свои «ливрейные» чувства по отношению к царской власти и старой крепостнической России.

Из великих деятелей российского освободительного движения особую ненависть буржуазной контрреволюции снискали Белинский и Чернышевский.

Веховцы пытались уничтожить Белинского как публициста, изображали его донкихотствующим одиночкой-бунтарем, считали его мировоззрение «классическим выражением интеллигентского настроения», клеветали на его литературное наследство, заявляя, что «история нашей публицистики, начиная с Белинского, в смысле жизненного разумения, сплошной кошмар».

И либеральные историки литературы (Ашевский, Богучарский) и народнические «теоретики» (Михайловский, Иванов-Разумник и др.) чудовищно искажали мировоззрение Белинского, пытались представить его своим

* Герцен, Былое и думы, Соч., т. XIII, стр. 26.

родоначальником и идейным отцом. Кадетствующие профессора причисляли Белинского к лику либералов, эсерствующие «историки» изображали его исконным славянофилом и народником. Многие из сонма врагов революционного народа не раз пытались представить дело так, что взгляды Белинского, так же как и взгляды Герцена и Чернышевского, — нечто целиком заимствованное от Запада и не имеющее корней в русском народе. Эта клеветническая «теория» разбита Лениным и большевиками.

В статье «О «Вехах» Ленин доказал, что мировоззрение Белинского, особенно ярко выразившееся в его «Письме к Гоголю», отразило настроения крепостных крестьян и что история нашей демократической публицистики, начиная с Белинского, зависела от возмущения народных масс крепостническими порядками. В 1912 г. в статье «Еще один поход на демократию» Ленин писал о громадном влиянии работ Белинского на широкие народные массы; он указывал на то, что в период революционного подъема, в 1905—1907 гг., к большому горю для помещичье-буржуазной контрреволюции, исполнилось желание Некрасова, писавшего:

... Придет ли времячко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что рознь портрет портретнику,
Что книга книге рознь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Ленин дает убийственную оценку буржуазно-либеральной контрреволюции, испугавшейся широкого распространения революционно-демократических работ Белинского в народных массах.

«Демократическая книжка стала базарным продуктом, — писал Ленин. — Тем же идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...

... Какое «беспокойство»! — воскликнула мящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю»*.

В связи со 100-летием со дня рождения Белинского, в 1911 г., большевики раскрывали перед революционным народом России роль Белинского как выдающегося деятеля российского освободительного движения, глашатая истины и пламенного борца.

В своей замечательной статье «Великий искатель», написанной к 100-летию со дня рождения Белинского, С. М. Киров писал о великом публицисте:

«Он воплотил в себе весь протест против окружающей «гноусной действительности» и все величие своего гения устремил к отысканию истины. «Истину назови мне!» — зывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, связывая все живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» до предсмертных писем его — все проникнуто этим пылким исканием».

В 1914 г. в своей исторической статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин вскрыл теснейшую связь между литературной деятельностью Белинского и революционно-демократической борьбой против царизма и крепостничества.

* Ленин, Соч., т. XVI, стр. 132.

Говоря о том, что в 50—60-х годах прошлого века в России Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению революционных разночинцев — представителей демократической буржуазии, Ленин подчеркнул, что «...предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение по сию пору»*.

Классические оценки Белинского и русских революционных демократов, данные Лениным и большевиками, представляют собой огромный вклад в историю русской общественной мысли и позволяют поставить на подлинно научные рельсы исследование творчества Белинского.

Немалую роль в марксистской оценке Белинского сыграли и работы Плеханова о Белинском, написанные в период создания марксистской социал-демократической партии в России и в период борьбы с ликвидаторством (1909—1912 гг.) и давшие, несмотря на отдельные ошибки и недостатки, правильное освещение мировоззрения Белинского.

* * *

Жизнь и деятельность В. Г. Белинского (1811—1848 гг.) протекли в условиях жесточайшего самодержавно-крепостнического гнета, особенно усилившегося в период николаевской реакции, после подавления в 1825 г. восстания декабристов.

В 30—40-х годах XIX в. в России происходило разложение крепостнической экономики и начинался рост капитализма. С 1825 до 1850 г. число рабочих на фабриках и заводах выросло в 3 раза. Барщинная система помещичьего хозяйства постепенно заменяется оброчной; многие крестьяне, отпущенные на оброк, становятся вольнонаемными рабочими на фабриках и заводах. Капиталистические предприятия, число которых к концу 30-х годов почти в 5 раз превышает число крепостных мануфактур, воочию показывают преимущества использования труда наемных рабочих в сравнении с трудом крепостных на помещичьих мануфактурах.

Поэтому сплошь и рядом владельцы крепостных мануфактур и так называемых «посессионных» фабрик отпускают крепостных и посессионно приписанных к фабрикам крестьян на волю и эксплуатируют их как наемных рабочих.

Непрерывно растет внешняя торговля, увеличивается вывоз хлеба, в составе которого 90% составляет хлеб, производимый в крупных помещичьих хозяйствах, начинающих применять сельскохозяйственные машины и наемный труд.

Но существовавшая наряду с этими ростками капитализма в промышленности и торговле крепостническая система хозяйства на протяжении всей первой половины XIX в. продолжала оставаться господствующей в экономике России. Крепостническим гнетом были придавлены десятки миллионов крестьян, обреченных на подневольную работу, вечную нужду и беспрсветную тьму.

Вместе с тем внутри самой крепостнической сельской общины начинается экономическое расслоение, вызываемое тем, что у отдельных крестьян появляются капиталы, промышленные предприятия и т. д. Помимо усиления эксплуатации со стороны помещика, заинтересованного в увеличении производства хлеба в связи с расширением возможности его экспорта, крепостной крестьянин подвергается добавочной эксплуатации со стороны скупщика, арендатора, ростовщика и других кровососов.

Безудержный рост крепостнической и купеческо-ростовщической эксплуатации крепостных крестьян ведет к нарастанию стихийного возмущения крестьян, выливающегося в так называемые крестьянские «бунты», восста-

* Ленин, Соч., т. XVII, стр. 341.

ния. Так, в 1843 г. крестьянские восстания были зарегистрированы в 11 губерниях, причем для их подавления потребовались крупные вооруженные силы.

Но эти крестьянские «бунты» — стихийные и неорганизованные восстания, лишённые ещё пролетарского руководства и не освещённые политическим сознанием, не подняли и не могли в 30—40-х годах XIX в. поднять всю крепостную Россию на победоносную революционную борьбу против класса помещиков-крепостников и против самодержавия.

В дореформенной России ещё не было пролетариата, класса, способного возглавить народные массы на борьбу против царизма и крепостничества и привести их к победе.

«Крепостная Россия забита и неподвижна, — говорит Ленин об эпохе от декабристов до Герцена (1827—1846 гг.). — Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ»*.

Но хотя революционное движение в России было тогда очень слабым, в 30—40-х годах XIX в. возникают революционные течения среди передовых, мыслящих кругов дворянства и образованных представителей других имущих классов русского общества, имевших известный доступ к общественной жизни, образованию и литературе.

К числу передовых представителей дворянского общества принадлежали декабристы. К ним принадлежал великий русский народный поэт А. С. Пушкин и его друг, оригинальный мыслитель и страстный обличитель крепостничества — П. Я. Чаадаев. Из их рядов вышел А. И. Герцен, впоследствии примкнувший, несмотря на свои колебания между либерализмом и демократией, к революционно-демократическому лагерю.

В конце 30-х и начале 40-х годов на историческую арену освободительного движения в России выступили революционеры-разночинцы, во главе которых стоял В. Г. Белинский. Они, как подлинные просветители, сочувствуют угнетённым народным массам и ждут, что уничтожение крепостничества приведет к всеобщему благоденствию народа. В деятельности и мировоззрении революционных разночинцев отражаются нарастающие революционные настроения и надежды крепостных крестьян.

В отличие от дворянских революционеров «они шли вперед своим путем, не спотыкаясь о развалины прошлого, — а свой путь в ту пору мог быть лишь один — к народу, к массе крестьянской, значит, прежде всего — против крепостного права. Необходимо было занять позицию демократическую, к ней толкала вся современность и на нее указывала история Запада» (М. Горький).

Эту демократическую позицию и заняли революционные просветители во главе с Белинским.

В конце 30-х годов в русском образованном обществе получили широкое распространение передовые философские и политические теории Запада, главным образом идеи немецкой классической философии и французского утопического социализма.

В кружках Станкевича и Герцена, изучавших прогрессивные теории Западной Европы, зарождалось новое идейное течение, течение просветителей, или, как их называли, «западников». К кружку Станкевича принадлежал и молодой Белинский. Несмотря на то, что эти кружки имели не одинаковое направление, большинство их участников сходилось в главном: они были решительными противниками крепостничества и убежденными сторонниками развития России по западноевропейскому, капиталистическому пути.

Они искренно сочувствовали народу, но были еще далеки от него: деятельность этих кружков сводилась, по преимуществу, к распространению «западнических», просветительских идей в образованных кругах тогдашнего русского общества.

* Ленин, Соч., т. XVI, стр. 575.

В результате поражения декабрьского восстания 1825 г. стремления дворянских революционеров потерпели жестокое крушение, а обстановка николаевской реакции вызвала среди них грусть и отчаяние.

«Ужасны были первые годы, последовавшие за 1825, — пишет Герцен в своем очерке о развитии революционных идей в России. — Нужно было около десяти лет для того, чтобы опомниться от этого порабощения и преследования».

Прямая дорога открытой политической борьбы на время оказалась закрытой, и передовые круги русского общества пытались искать объяснения мучительных, наболевших вопросов окружающей их действительности в западноевропейской науке и философии.

В идейном движении Западной Европы в это время господствовала именно немецкая классическая философия, бывшая «фокусом, в котором сосредоточились все результаты предшествующей работы философской мысли и из которого выходили лучи, освещавшие путь умственного и нравственного развития цивилизованного мира»*.

Поэтому к немецкой классической философии, отражавшей наступление буржуазной революции в Западной Европе, к идеалу общества, построенного на основах разумной необходимости, к прогрессивно-просветительским стремлениям философской мысли Запада обратили свои взоры участники кружка Станкевича, а впоследствии и члены кружка Герцена.

Кружки Станкевича и Герцена, несмотря на чисто теоретический характер их деятельности, стали своеобразными общественно-литературными центрами, откуда передовые, просветительски настроенные круги русского общества начали борьбу как с господствовавшей тогда в России реакционной идеологией «самодержавия, православия и народности», так и со славянофилами.

Борьба «западников» со славянофилами наиболее ярко сказалась в вопросе о путях исторического развития России и мировоззрении русского народа.

Славянофилы (братья Киреевские, Самарин, Хомяков, братья Аксаковы и др.) считали, что у России свой особый, самобытный путь исторического развития, которым она и должна идти; они идеализировали «самобытные устои» российской жизни: сельскую, крестьянскую общину, монархический принцип правления, патриархальные нравы и обычаи; они считали мистицизм и религиозную созерцательность неотъемлемыми чертами сознания русского народа.

Если часть славянофилов, особенно в ранний период их деятельности, признавала необходимость распространения просвещения в народе, ограничения крепостничества, уничтожения полицейского произвола и т. п., то впоследствии многие славянофилы сомкнулись с официальным направлением «самодержавия, православия и народности». Герцен справедливо говорил, что революционные просветители видели в учении славянофилов «новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви».

Так называемые «западники» считали, что Россия, как и другие страны, должна ликвидировать крепостничество, установить у себя западноевропейские порядки и распространить просвещение в народных массах. Но сами «западники» отнюдь не были однородным течением: буржуазно-либеральное крыло «западничества» (Кавелин, Боткин, Анненков и др.) возлагало все надежды на крупную буржуазию и пренебрежительно относилось к народным массам. Белинский же, наряду с Герценом, был вождем революционно-демократического крыла «западничества», полагавшего, что задача интеллигенции состоит в том, чтобы разбудить народные массы, распространить среди них просвещение и цивилизацию и подготовить народ к революционной борьбе за новую жизнь на демократических началах.

* Плеханов, Соч., т. X, стр. 333.

Идейная борьба между революционно-просветительским крылом «западничества» и славянофильством нашла свое отражение в философско-политической эволюции В. Г. Белинского и в его общественно-литературной деятельности в журналах просветительского направления: «Телескоп», «Молва», «Отечественные записки» и «Современник».

* * *

Известно, что Белинский не сразу стал революционно-демократическим мыслителем и сторонником материализма в философии; на протяжении 17 лет своей общественно-политической и литературной деятельности он прошел суровую школу теоретических исканий «жизненной правды» и критического освоения западноевропейских теорий для формирования своего собственного, революционного мировоззрения.

Враги революционной демократии на этом основании не раз поднимали «мышиную возню» вокруг имени Белинского, пытаясь приписать ему неустойчивость, несамостоятельность, противоречия с самим собой и т. п. Эта легенда опровергается всем ходом идейного развития Белинского.

Уже в своей юношеской драме «Дмитрий Калинин» (1831) Белинский выступает как враг крепостничества, поборник европейской цивилизации и прогресса. «Неужели эти люди для того только рождаются на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как и они сами? — восклицает он устами своего героя. — Кто дал это гибельное право — одним людям поработать своей власти других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями, и со всем, что для него мило и драгоценно!»*.

В «Дмитрии Калинине» чувствуется влияние на Белинского французских просветителей и Радищева, но уже этот первый опыт литературной работы Белинского говорит о редкой для того времени самостоятельности и силе в обличении крепостнических порядков (вспомним, что первое «Философическое письмо» Чаадаева было опубликовано лишь в 1836 г.).

Начиная с 1834 г., когда была опубликована первая крупная работа Белинского в области философии и эстетики — «Литературные мечтания», он прошел несколько стадий в своем идейном развитии. Это идейное развитие Белинского шло в прогрессивном направлении, от просветительства к революционному демократизму и от идеализма к философскому материализму.

Причины философско-политической эволюции Белинского, так же как и других русских революционных мыслителей, вскрыты В. И. Лениным.

Ленин писал о том, что правильность марксистской теории в России доказал «не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»**.

В основе философско-политической эволюции Белинского лежит рост революционных настроений среди угнетенных народных масс, отражавшийся в сознании передовых, революционных элементов образованного русского общества.

Литературно-критическая деятельность в подцензурных журналах становится для просветителя Белинского ареной битвы против крепостничества

* Белинский, Соч., т. I. Под ред. С. А. Венгерова, стр. 122.

** Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175.

и оправдывавших его философских, политических и эстетических теорий.

Свои передовые философские и политические идеи Белинский мог проводить сквозь рогатки и препоны цензуры, как правило, лишь в литературно-критических статьях, рецензиях и письмах товарищам, а не в специальных философских трактатах и политических сочинениях. Это своеобразие творчества Белинского, как философа и социолога, отнюдь не умаляет его значения. Плеханов был прав, когда говорил, что по логической силе ума Белинский стоял выше всех современных ему русских мыслителей.

* * *

В первый период своей общественно-литературной деятельности, относящийся к 1834—1836 гг., Белинский активно участвует в философско-литературном кружке Станкевича и помещает ряд критических статей в прогрессивном для того времени московском журнале «Телескоп» и в приложении к нему «Молва». Дискуссии в кружке Станкевича, так же как и статьи Белинского, помещенные на страницах «Молвы» и «Телескопа», будили общественную мысль передовых слоев тогдашнего общества и вели к сплочению всех сил, направленных против николаевской реакции, в первую очередь против идеологии самодержавия, православия и великодержавной народности. Но в мировоззрении Белинского, как и других членов кружка Станкевича, в эти годы обличение крепостнических порядков, порыв к цивилизации и западноевропейскому прогрессу уживались еще с надеждой на то, что общественное переустройство в России, распространение просвещения в народе, переход к западноевропейской цивилизации будут осуществлены сверху.

«Литературные мечтания» Белинского — своеобразный манифест первых русских просветителей 30-х годов. Его основная идея состоит в утверждении горькой истины, которая глубоко волновала русских просветителей, — в признании разрыва между так называемым «обществом», образованными верхами, и народными массами, обреченными на подневольную жизнь и прозябанье в невежестве.

Белинский провозглашает необходимость развития такого просвещения, которое захватило бы широкие народные массы, необходимость создания такой литературы, которая была бы плотью от плоти и кровью от крови народной, необходимость такого прогресса, который основывался бы на подъеме благосостояния народных масс, на развитии промышленности и торговли по западноевропейскому образцу.

Но Белинский, бывший в плену идеалистического понимания истории и не доходивший еще до понимания классового характера царизма, не выдвинул в «Литературных мечтаниях» прямого требования ликвидации крепостнического строя и царского самодержавия; он выразил надежду на то, что просвещение в России может развиваться благодаря «неусыпным попечениям мудрого правительства».

Нас, однако, не должно вводить в заблуждение то, что в конце «Литературных мечтаний» Белинский сочувственно высказывается о трех принципах, которые проводил царизм в области идеологической: православие, самодержавие и народность. Эти слова, не связанные тесно со всем ходом изложения мыслей Белинского, повидимому продиктованы цензурными соображениями и, возможно даже, вставлены в текст статьи Белинского редактором «Молвы» Надеждиным; в действительности вся статья Белинского проникнута боевой полемикой против того официально-охранительного направления в русской литературе (Жуковский, Булгарин, Греч, Сенковский и др.), которое было «столпом» и «утверждением» пресловутых принципов «самодержавия, православия и народности».

Философские взгляды Белинского в период «Литературных мечтаний» формировались под влиянием немецкого классического идеализма и раньше всего — в той форме, какую он принял в системе Шеллинга. Но Белин-

ский был последователем не Шеллинга-реакционера, «ниспровергавшего» диалектику Гегеля при помощи «философии откровения»; он испытал на себе влияние ранних работ Шеллинга, в которых выдвигалась диалектическая идея об универсальной связи всех явлений мира. Центральным пунктом философских взглядов Белинского в эти годы становится идея развития; с позиций «философии тождества» он рассматривает все явления природы и сознания, как формы развития единой, вечной идеи, внутренне связанные между собой; разделяет Белинский и шеллингианский взгляд о внутренней целесообразности и гармонии всех явлений природы.

В «Литературных мечтаниях» Белинский развивает диалектический взгляд на мир, как на единое, связанное и находящееся в постоянном развитии, целое. «Весь беспредельный, прекрасный божий мир, — пишет он, — есть не что иное, как дыхание единой, вечной идеи (мысли единого, бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии... Для этой идеи нет покоя: она живет беспрестанно, т. е. беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить. Она воплощается в блестящее солнце, в великолепную планету, в блудящую комету, она живет и дышит — и в бурных приливах и отливах морей, и в свирепом урагане пустынь, и в шелесте листьев, и в журчании ручья, и в рыкании льва, и в слезе младенца, и в улыбке красоты, и в воле человека, и в стройных созданиях гения»*.

Однако радикальный русский просветитель Белинский не мог ограничиться «прекраснодушным созерцанием» окружающей его действительности, на которое обрекала мыслителя «философия тождества» Шеллинга.

Белинский, как и другие участники кружка Станкевича, воспринимал шеллингианство, как революционный просветитель, считавший своей обязанностью высвободить «мировую идею» от всех ее «случайных, нечистых и ложных проявлений» в действительности. Он пытался выйти за пределы этой действительности и потому конструировал в своем сознании абстрактный идеал нового, справедливого и разумного мира.

Достижение этого идеала, по Белинскому, не произойдет само собою: оно требует от человечества деятельности.

Эту деятельность Белинский понимает как деятельность человеческого самосознания, как умственное и нравственное совершенствование людей путем распространения среди них просвещения.

Он требует от передового человека, чтобы тот отрекся от своекорыстного Я, подавил свой эгоизм и жертвовал всем для блага родины и человечества.

Уже в эти годы в философских и эстетических воззрениях Белинского обнаруживается стремление к реализму. И в «Литературных мечтаниях» и в другой статье этого периода, «О русской повести и повестях г. Гоголя», Белинский ставит реальную действительность, природу и общественную жизнь выше, чем такие ее проявления, как научные теории, произведения искусства и т. п.

В 1835 г. он пишет: «Мы требуем не идеала жизни, в самой жизни, как она есть», и пропагандирует активное, действенное отношение к жизни, которая для него — «не веселое пиршество, не празднественное ликование, но поприще труда, борьбы, лишений и страданий».

Однако активность и действенность мировоззрения Белинского в эти годы не выходила еще за пределы теоретической мысли, ибо настоящей, действительной жизнью он в этот период своей деятельности все же считает не общественный материальный процесс, а сознание нашего бытия, и главной задачей человечества, по его мнению, является стремление постигнуть отношение природы и всей действительности «к идее всеобщей жизни»**.

* Белинский, Соч., т. I, стр. 318.

** Там же, т. II, стр. 195.

Деятельная натура Белинского, вечно искавшего ответа на мучительные запросы передовых, мыслящих кругов русского общества, не могла остановиться на шеллингианстве; если бы Белинский и другие революционные просветители всегда следовали за Шеллингом, они были бы обречены на такое же полное примирение с гнусными сторонами окружавшей их действительности, к какому пришел в 30-х годах прошлого века сам Шеллинг.

Продолжая разделять взгляды немецкой классической философии, ее идею развития и отрицания, Белинский в 1835—1836 гг. ищет такой передовой философской теории, которая была бы свободна от «соаерцательности» Шеллинга, наиболее радикально отрицала бы «гнусную действительность» и указывала бы пути изменения мира.

Философия Фихте, бывшая теоретическим отражением победоносного шествия французской буржуазной революции, утверждавшая активность и действительность мыслящего Я, показалась Белинскому и Бакунину, познакомившему Белинского с фихтеанством, «философией действия», способной якобы дать ответ на мучительные вопросы действительности.

Сама действительность все более и более убеждала Белинского в неосновательности его надежд на просвещение народа и цивилизацию России под эгидой царского правительства. В философии Фихте, как позднее говорил сам Белинский, он почувствовал запах крови, проявление робеснеризма.

Но в условиях отсутствия массового революционно-демократического движения в России 30-х годов прошлого века «бунт» Белинского против действительности ограничивался сферой абстрактно-теоретической мысли, субъективизмом.

Восприняв основную идею субъективного идеализма Фихте, он провозглашает: «Вне мысли все призрак, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты сам? Мысль, одетая телом; тело твое сгниет, но твое я останется, следовательно, тело твое есть призрак, мечта, но я твое существенно и вечно»*.

Отсюда вытекало признание действительной жизнью жизни идеальной и убеждение в том, что так называемая действительная жизнь есть призрак, пустота.

В единственной философской статье этого периода — рецензии на книгу Дроздова «Опыт системы нравственной философии», излагая основные идеи философии Фихте, Белинский не свободен от религиозных, мистических веяний; так, он говорит о Христе как идеале человеческого совершенства, соглашается с «почтенным автором», церковником Дроздовым, что «человек создан по образу и подобию божьему» и т. д.

Освобождая от этих нанесенных шлаков истинные взгляды Белинского, испытавшего в годы мучительных исканий идейной правды различные влияния, мы можем открыть и в этой рецензии ценное, рациональное зерно: Белинский, верный своему просветительскому идеалу, идеалу гуманизма, провозглашает необходимость безграничного развития человеческого сознания, просвещения и нравственности. Он пишет: «Каждый человек должен любить человечество, как идею полного развития сознания, которое составляет и его собственную цель, следовательно, каждый человек должен любить в человечестве свое собственное сознание в будущем, а любя это сознание, должен споспешествовать ему»**.

В этой же рецензии Белинский пытается на базе фихтеанского идеализма преодолеть ограниченность вульгарного эмпиризма и абстрактного рационализма: утверждая, что эмпиризм — «здание, построенное на песке», и что «факты должно объяснять мыслью, а не мысли выводить из фактов», он в то же время чувствует метафизическую ограниченность абстрактного рационализма и требует проверки умозрения фактами.

* Белинский, Письма, т. I, стр. 89.

** Белинский, Соч., т. III, стр. 76.